

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

«ЗНАЧАЩИЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ» КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ

Л. И. БОЖОВИЧ, М. С. НЕЙМАРК
(Москва)

Оживленная дискуссия, развернувшаяся по статье Ф. В. Бассина, доказывает, что он своевременно поставил весьма актуальный вопрос.

По-видимому, назрела потребность разобраться в тех проблемах, которые непосредственно связаны с углубленным изучением личности человека. Правда, Бассин, говоря о «значащих переживаниях», сам не относит их к области психологии личности, но то, что он, по-видимому, имеет в виду, раскрывая эти понятия, позволяет отнести их именно к этой области.

Вообще вызывает удивление, что ни сам Бассин, ни его первый оппонент М. Г. Ярошевский никак не хотят точнее определить обсуждаемую область науки, говоря о ней словами «метафорическими», взятыми ими самими в кавычки: «значащие переживания», «опосредственные значения», «ситуационные смыслы» — у Бассина, «интересная психология» — у Ярошевского. Мы будем называть эту область областью психологии личности.

В статье имеется много неясностей, что мешает отнестись к ней однозначно.

Статья посвящена выяснению предмета психологии. Но именно он и остается непонятным: являются ли так называемые «значащие переживания» единственным предметом психологии, или они представляют собой только его центральное звено, или же, наконец, речь идет лишь о праве этих переживаний на изучение. Все эти три точки зрения по тексту статьи могут быть приписаны автору. А между тем сведение всей психологии к области «значащих переживаний» представляется нам ошибкой, в то время как две другие точки зрения вполне приемлемы.

Точно так же противоречиво изложен взгляд автора на вопрос о том, подчиняются ли значимые переживания каким-либо общим закономерностям, или они имеют исключительно индивидуальный характер.

С этим вопросом прямо связан и другой основной вопрос статьи — возможна ли формализация при изучении этой области. Здесь снова имеет место нечеткость и противоречие: в одних случаях утверждается, что значащие переживания неформализуемы, что и делает их специфическим предметом психологии, а в других случаях автор указывает

лишь на трудности формализации этих явлений или на то, что пока еще они не могут быть формализованы.

Не менее запутано изложены взгляды автора и на методы психологического исследования «значащих переживаний». Сначала автор упрекает психологов, изучавших внутренний мир человека, за их «воинствующий антиэкспериментализм» и совершенно справедливо указывает, что «выход» надо искать не в упрощенной позиции отказа от эксперимента, а в решении гораздо более сложной задачи такого преобразования логической структуры эксперимента, которое позволило бы устранить действительно существующую принципиальную ограниченность возможности классического экспериментального метода...» (стр. 108, еще раз стр. 111). Вместе с тем в конце статьи выясняется, что «значащие переживания» можно изучать лишь при помощи «ролевой игры», «регулирующего диалога» (т. е. психоанализа без классической психоаналитической теории) или других «адекватных» (?) методов в рамках конкретных жизненных ситуаций. Очень неясно, что все это в действительности значит, но создается впечатление, что Бассин все же отрицает подлинный эксперимент в рассматриваемой области, т. к. все же, не очень понятные, рекомендуемые Бассиным преобразования классического эксперимента, вообще лишают эксперимент всех существенных для него признаков. Но, что самое главное, в статье остаются нераскрытыми основные понятия, которыми автор пользуется, определяя предмет психологии — «значащие переживания», «опосредственные значения» и «ситуационные смыслы».

Нам кажется, что понятия, выдвигаемые Бассином, оказались психологически нераскрытыми неслучайно. Он пришел к их выделению не от конкретного психологического анализа исследований в этой области и прослеживания логики развития самой психологической науки, а от формально-логического рассуждения о том, что предметом психологии должны стать те психологические явления, которые не могут быть поглощены кибернетикой, т. к. не могут быть формализованы и подвергнуты математическому анализу. При этом Бассин имеет в виду формализацию лишь

в самом крайнем ее выражении, т. е. доведения ее до математической или кибернетической модели. Однако формализация может иметь разные уровни и в процессе изучения любой действительности переходит с одного уровня на другой. С этой точки зрения, установление любой общей закономерности уже есть известная формализация.

В применении к психологии, по мысли Бассина, неформализуемым оказывается именно то, что он назвал «опосредствованными значениями» или «значимыми переживаниями».

Здесь требуется уточнение. Если эти явления не могут быть формализованы ни на каком уровне, то они вообще не могут быть предметом науки. Кроме того, невозможность их полной формализации вообще не доказана. Возможно, что они неформализуемы до конца лишь на существующем пока уровне психологической науки. Но самый большой упрек, который нам бы хотелось сделать автору, заключается в том, что, выдвигая свое понимание «значимых переживаний», он игнорирует уже существующие в психологии понятия, относящиеся к этой области, т. е. тот самый категориальный строй науки, значение которого так подчеркивается М. Г. Ярошевским [8] и в важности которого вряд ли кто-нибудь может сомневаться.

И из статьи Бассина и, кстати сказать, из статьи Ярошевского (который пишет, что к проблемам «интересной» психологии «изредка обращаются лишь психиатры»), напрашивается вывод, что этой области вообще никто из психологов не занимается. Поэтому Бассин, определяя предмет психологии, вводит свои понятия, никак не сопоставляя их с теми, которые уже существуют в психологической науке. А в статье «Сознание, бессознательно» и болезнь [2], вышедшей одновременно со статьей о предмете психологии, пишет: «... Аффективные переживания определяются до сих пор с помощью очень неточных выражений, представляющих собой, подчас, всего лишь метафоры или аллегории. Именно поэтому они в большей степени являются предметом художественной литературы или искусства, чем науки» [2; 91].

Действительно, до 30-х годов нашего столетия такое положение имело место. Об этом в свое время писал Л. С. Выготский, считая, что проблема личности, являясь «центральной и высшей проблемой всей психологии», все еще остается «закрытой для науки». «В лице лучших своих представителей, — говорил он, — психология приходит к выводу, что описание внутреннего образа жизни человека как целого принадлежит искусству поэтов и историков». Однако с тех пор прошло уже около сорока лет и за это время ситуация в психологии значительно изменилась.

Уже К. Левин нашел пути научного психологического анализа таких явлений, как потребности, намерения, воля, он изучал динамику некоторых аффективных тенденций, ввел понятие «квазипотребностей», «уровня притязаний», нашел экспериментальный подход к их изучению.

Конечно, Левин ограничил свои исследования лишь теми потребностями, которые создавались искусственно в лаборатории и потому были лишены для испытуемого подлинного жизненного смысла. Это помешало ему сделать решающий шаг в разработке указанной области, но тем не менее область была выделена, стала предметом исследования и при этом исследование экспериментальное.

Работы Левина открыли широкую дорогу экспериментальным исследованиям указанных проблем, проводящимся в настоящее время и в Европе и в Америке.

Не следует игнорировать и исследования современных психоаналитиков, открывших ряд новых психологических явлений и описавших некоторые механизмы их возникновения и действия. Конечно, установленные ими факты должны быть правильно психологически поняты, но тем не менее они относятся именно к тому кругу явлений, который Бассин считает основным предметом психологии. Прямое отношение к изучению психологии личности — ее потребностей, стремлений, аффективной сферы — имеют исследования К. Роджерса, касающиеся изучения внутренней структуры личности и ее связи с поведением. В качестве центрального звена в развитии личности он выделил формирование самосознания и самооценки. Он описывает конфликты, которые возникают у ребенка в связи с расхождением его самооценки, с оценкой окружающих людей, возникновение связанных с этим аффективных переживаний и влияние их на развитие всей личности человека. В отличие от психоаналитиков Роджерс, изучая конфликты, переживаемые человеком, находит их объяснение не в противоречии био-социо, а в противоречиях, возникающих в процессе жизни индивидуума между его представлением о себе (сложившимся в результате прежнего опыта) и данными опыта, которые он продолжает получать. Причем для своих исследований Роджерс и его ученики используют не только методы в духе тех, которые рекомендует Бассин, но и специально разработанную ими экспериментальную методику.

В советской психологии исследования личности, ее аффективно-потребностной сферы, намерений и стремлений также имеют свою историю и свои научные результаты. Еще Л. С. Выготский ввел в психологию понятие «переживание», как «единицы», в которой в неразрывном единстве представлены, с одной стороны, среда, т. е. то, что переживается субъектом, с другой — субъект, т. е. то, что в свою очередь определяется уже достигнутым им ранее уровнем психического развития. Следовательно, для того чтобы понять, какое именно воздействие оказывает среда на субъекта и как она определяет его поведение и дальнейший ход его развития, надо понять характер переживаний, характер аффективного отношения субъекта к среде. Таким образом, основной вопрос, поставленный Бассиным, уже 40 лет назад был поставлен Выготским и с тех пор разрабатывается в конкретных психологических исследованиях.

В 30—40-х годах А. Н. Леонтьев и его соратники проводят экспериментальные исследования, направленные на раскрытие зависимости протекания различных психологических процессов от мотивов субъекта.

В начале 50-х годов предметом изучения становятся уже сами потребности и мотивы — их содержание, их развитие в онтогенезе, их строение на разных возрастных этапах (работы Божович, Морозовой, Славинной).

В последние годы выделилась специальная область психологического исследования — область психических состояний, которая разрабатывается Н. Д. Левитовым, Ф. Д. Горбовым и многими другими психологами.

Большое внимание личностным установкам, потребностям, интересам и переживаниям больных уделяют внимание Б. В. Зейгарник и С. Я. Рубинштейн и многие другие советские психопатологи и психиатры.

В результате исследований в этой области выделились и вошли в психологию многие понятия: «понятие смысла и значения» (Леонтьев), значимости (Добрынин), отношений (Мясищев), установки (Узнадзе и его ученики), внутренней позиции (Л. С. Божович), переживания, социальной ситуации развития (Л. И. Выготский) и пр.

Бассин упоминает в своей статье об этих работах (вернее, об этих авторах), но никак не анализирует содержание их исследований и не уточняет, какое отношение имеют его понятия к тем понятиям, которые выдвигаются в современной психологической науке.

В нашей лаборатории формирования личности ребенка НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР также, вот уже в течение двадцати с лишним лет, ведутся систематические исследования психологии личности и ее формирования в онтогенезе. (Некоторые итоги этой работы изложены в книге Л. И. Божович «Личность и ее формирование в детском возрасте» [3]).

В результате этих исследований были обнаружены известные факты и закономерности, имеющие, как нам кажется, прямое отношение к тому, о чем говорит Ф. В. Бассин. Анализ полученных материалов привел к некоторым обобщениям, выраженным в соответствующих научных понятиях. Возникло понятие личности, не совпадающее ни с понятием человек, ни с понятием индивидуальность. Мы предложили рассматривать личность с функциональной точки зрения, т. е. как тот уровень психического развития человека, который позволяет ему не только приспособляться к среде (функция, которую выполняет психика на ранних этапах своего развития), но прежде всего активно воздействовать и на среду и на самого себя.

Путем конкретных исследований мотивов поведения и деятельности человека (начатых еще в 30-х годах под руководством А. Н. Леонтьева) оказалось возможным сформулировать положение о том, что в основе всего психического развития в онтогенезе лежит развитие мотивационной сферы, которое и позволяет субъекту достичь того уровня, который характеризует его как личность.

Было раскрыто также место и роль переживания, отражающего в особой эмоциональной форме степень удовлетворенности субъекта в его потребностях, желаниях и стремлениях. Переживание, являясь первоначально средством ориентации человека в его взаимоотношениях с окружающей средой, приобретает затем самостоятельное значение и само выступает в качестве той психологической реальности, в которой человек начинает испытывать потребность. Так возникают не насыщаемые потребности что, по-видимому, является одной из важнейших линий их развития.

В свете высказанного положения мы склонны не согласиться с Ярошевским, который считает, что основной тезис Бассина, утверждающий переживание, как важнейший предмет психологической науки, является шагом назад к интроспективной психологии. Это было бы так, если бы мы продолжали рассматривать «переживание» как чисто субъективное явление эпифеноменального характера.

В исследованиях нашей лаборатории мы изучаем проблемы направленности личности, понимая направленность, как результат устойчивого доминирования определенных потребностей. Нами проведены исследования, раскрывающие те внутренние психологические механизмы, которые порождает «аффект неадекватности» и определяет не только специфические формы поведения ребенка, но и специфические черты его характера. (Подробнее об аффекте неадекватности см. статьи М. С. Неймарк [4] и Л. С. Славинной [6]).

Изучение мотивационной сферы показало, что в процессе онтогенеза происходит не только расширение потребностей по содержанию, но и их развитие, т. е. качественное изменение: из непосредственных они становятся опосредствованными, т. е. действующими через сознательно поставленную цель или принятое намерение. Такое слияние аффекта и интеллекта порождает качественно новое функциональное образование, не сводимое ни к потребностям, ни к сознанию и присущее только человеку.

Здесь намечается конкретно-психологический путь решения до сих пор еще острой проблемы, относящейся в дилемме, что же руководит человеческой активностью — потребности, инстинкты или сознание, или, иначе говоря, решение вопроса о том, какими путями и при каких условиях сознание приобретает побудительную силу.

Формирование в процессе развития этих качественно новых побудителей поведения позволяет утверждать, что потребности развиваются принципиально по тем же общим психологическим законам, по которым развиваются и все другие психические процессы и функции: они опосредствуются, а тем самым интеллектуализируются и приобретают управляемый характер.

Мы привели лишь некоторые установленные в психологии факты и закономерности, наличие которых позволяет утверждать, что исследование внутреннего мира человека, в том числе и его аффективной сферы, не остается все еще совсем неизучаемой и недоступной

точному изучению области. Здесь есть уже и свои научные понятия и вычленившиеся для исследования проблемы и определенные пути их изучения.

Разработка этих проблем стала возможной благодаря применению в их изучении достаточно строгого экспериментального метода.

Мы считаем, что при разработке экспериментальных методов надо осуществлять целостный подход, помня, однако, что целостное изучение личности вовсе не означает изучение ее в целом. Мы считаем, что как и всякое научное исследование, психологическое исследование должно расчленять изучаемое сложное явление на составные единицы. Однако изучение этих единиц должно осуществляться в условиях, которые сохраняли бы всю полноту и жизненное богатство взаимоотношений испытуемого с действительностью. Это важно потому, что, изучая то или иное психологическое явление, его можно действительно понять, только выяснив то место, которое оно занимает в общей структуре личности, и ту функцию, которую оно выполняет в сложном взаимодействии человека с окружающей средой.

Такой подход в науке вовсе не является оригинальным. Он характеризует, например, сущность павловского метода. Ведь И. П. Павлов считал необходимым подходить к изучению законов деятельности отдельных органов и систем как к законам, обусловливаемым деятельностью организма в целом. Только поняв ту физиологическую функцию, которую выполняет изучаемый орган в жизнедеятельности организма в целом, взятого в единстве с условиями его существования, можно, с точки зрения Павлова, правильно понять и физиологические законы деятельности этого органа. Следовательно, сущность павловского метода, в отличие от вивисекционного, господствовавшего до него, заключалась в том, что он, не нарушая нормальной жизнедеятельности животного, давал доступ к физиологическим явлениям, происходящим в глубине его организма, и позволял при помощи внешних показателей увидеть изучаемые процессы хотя и в упрощенных комбинациях, но тем не менее сохраняющие все присущие им закономерности.

В свете этого совершенно непонятно, почему, говоря об эксперименте, Бассин делает скачок от галлилеевского варианта эксперимента прямо к «экспериментальной игре» и «регулирующему диалогу», опуская все другие, уже существующие варианты эксперимента, отвечающие тем требованиям, которые Бассин как будто бы к эксперименту предъявляет.

В наших экспериментах, например, нам удается выявить и количественно соотносить не только скрытые от непосредственного наблюдения мотивы но и те, которые не осознаются даже самим субъектом.

Здесь мы имеем как раз такого рода эксперимент, за который, по-видимому, и ратует Бассин, когда пишет, что надо при изучении «значимых переживаний» не отказываться от эксперимента, а изменять его в соответствии с задачей исследований, чтобы

устранить ограниченность его классического варианта.

Один из типов нашего эксперимента проводился в естественных для испытуемого условиях, в которых все жизненно значимые переживания испытуемых сохранялись полностью, а экспериментальная модель вносилась в эту ситуацию так, что испытуемые ее не осознавали. Например, к таким исследованиям относится изучение мотивационной структуры личности [5].

Практически это делалось так: в качестве показателя силы мотива принималось изменение той или иной произвольной функции, происходящее под влиянием этого мотива, например, изменения в точности или скорости реакции. Соответствующая реакция вызывалась в условиях разной мотивации, что и давало возможность количественно сравнивать мотивы по их силе. Мотивы же актуализировались в разной деятельности субъекта, которая организовывалась вне лаборатории, хотя само измерение мотивов производилось лабораторным путем. Таким образом, лаборатория как бы выносила в реальную жизнь испытуемых.

В других исследованиях, наоборот, жизненная ситуация вносилась в лабораторию, вызывая тем самым у испытуемых реальные жизненные переживания. Например, в работе [7], направленной на выяснение условий, при которых «ограничительная» цель становится мотивом поведения ребенка, экспериментально создавался конфликт достаточно сильных, но противоположно направленных тенденций. Здесь желание ребенка прекратить неинтересную и даже неприятную для него деятельность сталкивалось с желанием выполнить общественно важное дело. Общественный мотив актуализировался соответствующей инструкцией. Оказалось, что «ограничительная» цель только тогда выполняла побудительную функцию, когда разрешала конфликт указанных противоположных тенденций, обеспечивая удовлетворение обеих.

В этих и подобных исследованиях изучаемые явления — потребности, стремления, эмоциональные состояния и т. п., то есть все то, что Бассин, по-видимому, называет «значимыми» переживаниями, были подлинно жизненными, полнокровными и давали возможность установить закономерности не только динамического характера, но и психологически содержательные.

В результате всех этих работ, нам кажется, можно считать доказанной возможность экспериментально устанавливать совершенно определенные объективные закономерности, позволяющие прогнозировать не только поведение ребенка в определенных условиях, но даже и развитие его личности.

Конечно, эти закономерности являются не детерминистическими, а статистическими или вероятностными, как, впрочем, и большинство устанавливаемых в любой науке.

В заключение мы хотели бы отчетливо сформулировать свою позицию по обсуждаемым вопросам.

Во-первых, мы согласны с Бассиным, что изучение внутренней психической жизни личности на данном этапе развития психологической науки должно стать ее центральным звеном. Однако мы не склонны сводить всю психологию к изучению только этой области.

Во-вторых, об этой внутренней жизни личности можно уже сейчас говорить не символически, а достаточно развернуто и содержательно в тех категориях психологической науки, которые уже разработаны, выделяя

в ней требующие своего решения конкретные психологические проблемы.

В-третьих, мы считаем также, что эту область можно и нужно изучать принципиально теми же методами, какими изучаются и все другие психологические явления, включая и лабораторный эксперимент, тем самым обеспечивая в дальнейшем возможность их формализации и математизации.

Иное решение этого вопроса вообще ставит эту область психологии вне научного исследования.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Б а с с и н Ф. В. О развитии взглядов на предмет психологии. «Вопросы психологии», 1971, № 4.
2. Б а с с и н Ф. В. Сознание, «бессознательное» и болезнь. «Вопросы философии», 1971, № 9.
3. Б о ж о в и ч Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.
4. Н е й м а р к М. С. Анализ эмоциональных реакций школьников на трудности в работе, сб. «Вопросы психологии личности школьника», М., 1961.
5. Н е й м а р к М. С. Опыт экспериментального исследования направленности личности. «Вопросы психологии», 1963, № 1.
6. С л а в и н а Л. С. Дети с аффективным поведением. М., 1966.
7. С л а в и н а Л. С. Ограничение объема работы как условие ее выполнения в состоянии пресыщения. «Вопросы психологии», 1969, № 2.
8. Я р о ш е в с к и й М. Г. Предмет психологии и ее категориальный строй. «Вопросы психологии», 1971, № 5.

